

А. А. Кауфман

**Аграрный вопрос и
переселение**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 330
ББК 65
А11

А11 **А. А. Кауфман**
Аграрный вопрос и переселение / А. А. Кауфман – М.: Книга по Требованию,
2021. – 40 с.

ISBN 978-5-458-55051-2

ISBN 978-5-458-55051-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

гдѣ послѣ войны долженъ будетъ найти себѣ мѣсто небывалый подъемъ производительныхъ силъ“, но и *какъ известный политическій факторъ*; ибо—полагаетъ вѣдомство (думаю поскольку рѣчь идетъ о переселеніи, то совершенно напрасно)—ничто такъ не можетъ внести спокойную увѣренность и твердость въ сердца русскихъ воиновъ, какъ сознаніе заботы отечества отъ оставленныхъ ими хозяйствахъ и семьяхъ и объ ихъ будущемъ земельномъ устройствѣ“. И именно этимъ взглядомъ на переселеніе, какъ на „известный политическій факторъ“, долженствующій внести „спокойную увѣренность“ въ сердца солдатъ на фронтѣ, очевидно, объясняется возникновеніе той, достаточно-таки дикой, мысли объ отводѣ особыхъ земельныхъ площадей для надѣленія отличившихся на войнѣ солдатъ, о которой мнѣ придется еще говорить въ дальнѣйшемъ.

Еще разъ, значить: въ аграрной политикѣ самодержавнаго правительства переселеніе выступаетъ, *какъ противоязъ* крестьянскимъ мечтамъ и интеллигентскимъ проектамъ земельной реформы, связанной съ расширеніемъ крестьянскаго землевладѣнія за счетъ земель помѣстнаго класса. И, въ то же время, переселеніе приводитъ *существеннымъ*, какъ многіе думаютъ, *элементомъ*, во всякій широко задуманный планъ аграрной реформы. „Никакой аграрный и соціальныи строй—писалъ еще кн. А. И. Васильчиковъ въ 70-хъ г. г. прошлаго столѣтія, не можетъ быть признанъ совершеннымъ, полнымъ и прочнымъ, если онъ не дополняется правильною системою колонизаціи“. И въ соотвѣтствіи съ этимъ, вопросъ о возможной роли переселенія былъ въ 1905 году однимъ изъ вопросовъ, возбуждившихъ особый интересъ на томъ аграрномъ совѣщаніи, гдѣ впервые былъ гласно сформулированъ принципъ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель. И сейчасъ, когда широкая аграрная реформа болѣе чѣмъ когда либо имѣетъ шансы изъ „безсмысленнаго мечтанія“ претвориться въ реальную дѣйствительность, въ переселенческомъ вѣдомствѣ — если вѣрить доходящимъ до меня свѣдѣніямъ—вновь поднимается вопросъ о возможности „широкаго развитія“ переселенія.

И этого вопроса, дѣйствительно, обойти никакъ нельзя. *Какъ его рѣшить*—это именно и является предметомъ настоящей статьи. Но *обойти* его, повторяю, невозможно.

Въ самомъ дѣлѣ, земельная реформа, конечно, не исчерпы-

вается вопросом о *расширеніи площади* крестьянскаго землевладѣнія, не исчерпывается даже для тѣхъ, кто гораздо болѣе розово, чѣмъ я, смотритъ и на реальныя возможности такого расширенія, и на вѣроятныя его послѣдствія, на возможное его вліяніе на благосостояніе крестьянскихъ массъ. Но расширеніе крестьянскаго землевладѣнія—это та сторона аграрнаго вопроса, которая, силою судебъ, выдвигается на первую, ближайшую очередь: выдвигается на ближайшую очередь, какъ потому, что увеличеніе площади крестьянскаго землевладѣнія является, или во всякомъ случаѣ кажется, мѣрою, болѣе осуществимою, способною дать болѣе непосредственные результаты, нежели сложная совокупность мѣръ, направленныхъ къ экономическому и культурному подъему крестьянскаго хозяйства; такъ, въ особенности потому, что расширеніе крестьянскаго землевладѣнія—это *первый и главный* изъ лозунговъ, стоящихъ на широко-развертывающемся знамени крестьянскихъ массъ, и мимо этого лозунга, въ теперешній историческій моментъ, не можетъ пройти никакая реальная политика.

Но для того, чтобы расширеніе крестьянскаго землевладѣнія имѣло дѣйствительный смыслъ,—чтобы оно могло сколько нибудь ощутительно отразиться на благосостояніи крестьянскихъ массъ,—чтобы оно дѣйствительно могло „открыть нашему отечеству путь мирнаго развитія“ (А. И. Чупровъ) для этого оно должно быть очень значительнымъ. Если расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, въ самомъ дѣлѣ, должно исцѣляющимъ образомъ повліять на положеніе крестьянскихъ массъ,—это средство должно быть отпущено, ни въ какомъ случаѣ, не въ гомеопатическихъ дозахъ. А между тѣмъ примѣненіе его въ дозахъ, хоть сколько нибудь приближающихся къ аллопатическимъ, встрѣчаетъ непреодолимое препятствіе въ ограниченности тѣхъ земельныхъ запасовъ страны, которые, *реально*, могутъ быть использованы для цѣлей расширенія крестьянскаго землевладѣнія. Я уже не говорю о надѣленіи по трудовымъ нормамъ: „это идеальное разрѣшеніе аграрной проблемы—писалъ 12 лѣтъ тому назадъ покойный А. И. Чупровъ—для насъ недоступно. Какъ ни несовершенны подсчеты о количествѣ земли, какимъ можно располагать при аграрной реформѣ, но они съ несомнѣнностью доказываютъ одно,—что удовлетвореніе потребности

крестьянства въ землѣ по трудовой нормѣ превысило бы всѣ имѣющіеся въ Европейской Россіи запасы удобной земли“). Положение это А. И. Чупровъ, уже въ то время, признавалъ „не подлежащимъ спору“. А между тѣмъ съ тѣхъ поръ прошло еще 12 лѣтъ—за это время населеніе, а слѣдовательно и потребное для его надѣленія по трудовой нормѣ количество земли возросло, приблизительно, на 20—22 процента.

Максимумъ того, о чемъ можно было мечтать уже въ 1905 году, и тѣмъ болѣе—о чемъ можно мечтать сейчасъ—это дополнительное надѣленіе крестьянъ либо до потребительной нормы, либо до установленныхъ, въ свое время, примѣнительно къ потребительному принципу „высшихъ“ или „указныхъ“ надѣловъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ; то и другое, конечно, по числу наличныхъ душъ къ тому моменту, когда будетъ осуществляться аграрная реформа. Въ 1905 году вниманіе почти всѣхъ, кто пытался вычислить потребное для проведенія аграрной реформы количество земли и исчислить тѣ наличные земельные запасы, какими можно было бы располагать для этой цѣли, было устремлено, главнымъ образомъ, въ сторону „высшихъ“ и „указныхъ“ надѣловъ 1861 года. Результаты дѣлавшихся вычисленій довольно далеко разошлись между собою. Проф. А. А. Чупровъ пришелъ къ очень оптимистическимъ заключеніямъ: его выводъ гласилъ, что „для надѣленія нуждающихся земледѣльцевъ до нормъ „высшихъ“ и „указныхъ“ надѣловъ по положенію 19 февраля 1861 года земли въ Европейской Россіи хватитъ, и останется еще не мало на долю частныхъ собственниковъ“. Результаты вычисленій пишущаго эти строки были совершенно иные: нехватка земли до тѣхъ же нормъ получилась у меня, въ итогѣ по 44 губерніямъ, 73 милліона десятинъ; запасъ земельныхъ угодій казны, удѣла и частныхъ владѣльцевъ опредѣлялся, по тѣмъ же губерніямъ, въ 44 милліона десятинъ; предполагая полное использование этого запаса для цѣлей дополнительнаго надѣленія, все же не хватало 29 милліоновъ десятинъ. Если считаться съ одними только обоими итогами, то недостача эта съ огромнымъ избыткомъ покрывалась за счетъ избыточ-

*) Эта и послѣдующія цитаты—изъ статьи А. И. Чупрова „Къ вопросу объ аграрной реформѣ“ во 2-мъ томѣ сборника „Аграрный вопросъ“ изд. И. И. Петрункевича и кн. П. Д. Долгорукова. М. 1907

ныхъ лѣсныхъ пространствъ. Но эти избыточные лѣсныя пространства почти цѣликомъ сосредоточиваются въ немногихъ сѣверныхъ, лѣсныхъ губерніяхъ, и уже поэтому не могутъ идти въ расчетъ при исчисленіи земельного фонда, могущаго послужить для расширенія землевладѣнія сосредоточивающейся, главнымъ образомъ, въ черноземномъ центрѣ массы малоземельнаго крестьянства. Не только въ такихъ районахъ, какъ центрально-черноземный, малороссійскій и юго-западный, но также въ подмосковной области и въ большей части районовъ бѣлорусскаго и литовскаго, вся совокупность земель не крестьянскаго владѣнія, вмѣстѣ съ избыткомъ лѣсовъ, оказывалась недостаточной для доведенія крестьянскихъ надѣловъ до нормъ 1861 года. Еще къ инымъ результатамъ, болѣе благоприятнымъ, нежели я, но далеко менѣе благоприятнымъ, нежели А. А. Чупровъ, пришелъ проф. В. Э. Денъ, подвергшій подробной критикѣ какъ мои вычисленія, такъ и расчеты А. А. Чупрова. Вычисленія В. Э. Дена относились къ 36 губерніямъ; для этихъ 36 губерній размѣры дополнительной наръзки до нормъ 1861 года опредѣлились въ 40 милліоновъ десятинъ, и конечный выводъ В. Э. Дена гласилъ, что, „поскольку мы оставимъ нетронутыми лѣса, дополнительное надѣленіе до нормъ 1861 года можетъ быть осуществлено только цѣной полной или почти полной ликвидаціи частновладѣльческаго земледѣльческаго хозяйства“; и „личное впечатлѣніе“ В. Э. Дена было таково, что такой выводъ „скорѣе слишкомъ оптимистиченъ, чѣмъ наоборотъ“.

Допустимъ теперь, что это послѣднее предположеніе не вѣрно,—что, значить, результаты вычисленій В. Э. Дена ближе къ истинѣ, нежели мои ¹⁾). Все же и въ этомъ, сравнительно, благоприятномъ случаѣ весь наличный запасъ земель не крестьянскаго владѣнія оказывался лишь достаточнымъ, чтобы надѣлить, по нормамъ 1861 года, население 1906 года. Значить, весь этотъ запасъ будетъ уже недостаточенъ, чтобы надѣлить по тѣмъ же нормамъ то населеніе, какое окажется налицо къ моменту проведенія въ жизнь аграрной реформы; даже въ лучшемъ случаѣ, если дополнительное надѣленіе послѣдуетъ тотчасъ же послѣ предстоящаго учредительнаго собранія, и то придется

¹⁾ Я не вхожу въ подробности вопроса, ибо для цѣли настоящаго очерка онъ особаго значенія не имѣетъ.

считаться съ приростомъ населенія, по меньшей, мѣрѣ въ 18—20 % сверхъ гѣхъ цифръ, изъ которыхъ исходилъ В. Э. Денъ въ своихъ разсчетахъ. А при этомъ и расчеты В. Э. Дена лишь въ общихъ по нѣсколькимъ десяткамъ губерній итогахъ приводятъ къ сравнительно благоприятному результату и не устраняютъ того факта, что въ рядѣ районовъ мѣстные земельные запасы, съ присовокупленіемъ даже избытка лѣсовъ, окажутся недостаточными для дополнительнаго надѣленія по нормамъ 1861 года, и такое надѣленіе окажется осуществимымъ лишь при весьма проблематической возможности надѣленія избытка мало-земельныхъ крестьянъ за счетъ избыточныхъ сверхъ мѣстной потребности земельных запасовъ окраинныхъ гайоновъ, проблематической—хотя бы уже въ виду того весьма реального факта, что жалобы на малоземелье и требованія дополнительнаго надѣла исходятъ отнюдь не отъ однихъ только, въ самомъ дѣлѣ, скудно надѣленныхъ крестьянъ, главнымъ образомъ бывшихъ помѣщичьихъ, но и отъ гораздо лучше надѣленныхъ, бывшихъ государственныхъ, которые отнюдь не останавливаются въ своихъ требованіяхъ, на нормахъ 1861 года, а требуютъ надѣленія „прибылого“ населенія по гораздо болѣе высокимъ нормамъ; что, съ другой стороны, отъ сравнительно изобильно-надѣленныхъ землею крестьянъ окраинныхъ районовъ отнюдь нельзя ожидать особой готовности подѣлиться мѣстными, хотя бы и значительными земельными запасами съ малоземельнымъ иногубернскимъ крестьянствомъ; напротивъ—можно съ достаточною долею увѣренности ожидать, что крестьянство малоземельныхъ окраинъ Европейской Россіи заявитъ весьма опредѣленные притязанія на отводъ ему, *цѣликомъ*, всѣхъ мѣстныхъ земельных запасовъ, и что съ этими притязаніями придется *всѣмъ* и *всѣмъ* серьезно считаться.

Дѣло мало измѣнится—какъ позволительно думать—если въ основу будущей аграрной реформы будутъ положены не высшіе или указные надѣлы 1861 года, а какъ настаивалъ покойный А. И. Чупровъ—„потребительныя нормы, рассчитанныя согласно условіямъ настоящаго времени“. или же приближающіяся, по своему смыслу, къ потребительнымъ нормамъ, вычисленные согласно принципу, впервые предложенному, кажется, мною въ одной изъ моихъ специальныхъ работъ, а затѣмъ проведенному въ про-

ектъ главныхъ основаній закона о земельномъ обезпеченіи земледѣльческаго населенія, внесенномъ въ 1-ую думу 39-ю членами фракціи к-д. именно средніе размѣры землепользованія той части населенія, которая ведетъ самостоятельное хозяйство, не нанимая, но въ то же время не отпуская рабочихъ рукъ изъ своего состава. Само собою разумѣется, что теоретически потребительная норма имѣетъ всѣ преимущества передъ „историческими“ нормами 1861 года. Но покойный А. И. Чупровъ былъ едва ли правъ, когда высказывалъ предположеніе, что „надѣлы по потребительной нормѣ будутъ нѣсколько ниже, нежели высшіе или указные надѣлы“. Покойный Александръ Ивановичъ и самъ оговаривалъ, что для окраинныхъ мѣстностей—т. е. какъ разъ для тѣхъ, гдѣ сосредоточиваются наиболѣе значительные свободные земельные запасы, потребительныя нормы будутъ не ниже, а *выше* нормъ 1861 года. Но главное—это то, что намъ неизвѣстно (да и не можетъ быть) такого метода вычисленія земельныхъ нормъ, который обезпечивалъ бы точность и, главное, *объективность* результата. И если нормы 1861 года были, какъ многіе думаютъ, понижены противъ дѣйствительной потребности, то можно, напротивъ, быть увѣреннымъ, что тѣ потребительныя нормы, которыя будутъ вырабатываться конечно при рѣшающемъ участіи мѣстныхъ силъ и учреждений, для предстоящаго дополнительнаго надѣленія, будутъ, какъ правило, болѣе или менѣе значительно преувеличены.

Но это, въ сущности, неважно. Важно то, что по вѣрному замѣчанію того же А. И. Чупрова, „спускать надѣлы ниже потребительной нормы нѣтъ ни возможности, ни цѣли“: дополнительные надѣлы, не достигающіе даже потребительной нормы,—это будетъ такая гомеопатическая дозв, ради которой „не стоитъ предпринимать хлопоты и ломку, сопряженныя съ аграрной реформой“. И намъ приходится заранѣе мириться съ тѣмъ, что „въ нѣкоторой долѣ сельскихъ обществъ не окажется подходящаго запаса земель для того, чтобы довести надѣленіе до вышеупомянутой нормы“. Если даже эти мѣстности будутъ—какъ, едва ли правильно, думалъ покойный А. И.,—*относительно* немногочисленны, то *абсолютно* ихъ будетъ всетаки достаточно много: вѣрнѣе же всего и относительное число ихъ будетъ далеко незначительно. И вотъ для всѣхъ такихъ мѣстностей единственнымъ способомъ

довести крестьянское землевладѣніе до нормъ — безразлично — потребительныхъ, вычисленныхъ въ соотвѣтствіи съ современными условіями, или историческихъ, завѣщанныхъ положеніями 19-го февраля, будетъ „выселеніе части жителей на новыя мѣста“, — выселеніе „съ такимъ расчетомъ, чтобы остающимся былъ предоставленъ земельный надѣлъ по принятой нормѣ“. Иначе говоря — дополнительное надѣленіе лишь въ томъ случаѣ способно довести землевладѣніе всего малоземельнаго крестьянства даже до такихъ сравнительно скромныхъ нормъ, какъ потребительные или высшіе надѣлы 1861 года, если оно будетъ связано съ болѣе или менѣе массовымъ переселеніемъ избыточной доли наличнаго земледѣльческаго населенія.

Вотъ почему *вопросъ о дополнительномъ владѣніи, вообще о сколько нибудь серьезныхъ массовыхъ мѣрахъ къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія неизбежно приводитъ къ вопросу о возможности развитіи переселенія.* Вотъ почему этотъ послѣдній вопросъ неизбежно долженъ былъ становиться и, въ самомъ дѣлѣ, становился на очередь въ 1905 году, вотъ почему онъ становится на очередь сейчасъ, въ 1917 году, — становится на очередь каждый разъ, когда вопросъ о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія выдвигается впередъ и когда появляются шансы на мыслимо широкое его разрѣшеніе.

И тѣмъ необходимѣе сейчасъ же, съ полною категоричностью сказать, и я считаю своимъ долгомъ человѣка, лучшую часть своей жизни отдавашаго практической работѣ по переселенію и изученію переселенческаго вопроса, сказать, въ самомъ дѣлѣ, съ полною категоричностью и со всею силою моего убѣжденія:

Нѣтъ, переселеніе, ни въ какомъ случаѣ и ни при какихъ условіяхъ, не можетъ сыграть сколько нибудь существенной роли въ дѣлѣ расширенія крестьянскаго землевладѣнія. Оно можетъ быть полезно въ отдѣльныхъ случаяхъ или группахъ случаевъ, для отдѣльныхъ крестьянскихъ обществъ или небольшихъ районовъ, но въ общей постановкѣ аграрнаго вопроса оно не можетъ сыграть роли даже и гомеопатическаго средства. Всѣ мысли о „широкомъ развитіи“ переселенія за Уралъ — не болѣе какъ „бессмысленныя мечтанія“, и всякая попытка проведенія въ жизнь такого рода плановъ неизбежно приведетъ, какъ всегда приво-

дила до сихъ поръ, лишь къ новой путаницѣ и новой неразберихѣ. На мою долю выпало сдѣлать все, что было въ моихъ силахъ, чтобы разсѣять переселенческія мечтанія въ 1905 году,—и теперь, въ 1917 году, я могу только съ еще большею категоричностью заявлять то самое, что я заявлялъ тогда, и что, въ то время, нашло себѣ отраженіе и въ постановленіяхъ аграрнаго съѣзда. Почему *съ еще большею* категоричностью? Очень просто: потому, что въ то время, въ 1905 году, доказательства невозможности широкаго развитія переселенія носили, въ значительной мѣрѣ, теоретическій, апіорный характеръ, и противъ нихъ естественно напрашивалось возраженіе: да можетъ быть, все дѣло въ томъ, что до сихъ поръ никто серьезно не принимался за дѣло—за широкое развитіе переселенія; можетъ быть то, что казалось невозможнымъ при опредѣленно-недружелюбной къ переселенію политикѣ самодержавнаго правительства, господствовавшей до 1892 года, и при крайней недостаточности той положительной работы, которая дѣлалась, уже въ благопріятномъ для переселенія смыслѣ, въ то десятилѣтіе, когда переселеніемъ въ Сибирь вѣдалъ комитетъ сибирской желѣзной дороги, окажется вполне возможнымъ, если правительство энергично примется за дѣло, если, въ самомъ дѣлѣ, будутъ приняты широкія мѣры къ развитію переселенческаго движенія и къ устройству переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ.

Протекшія со времени первой революціи 10 съ лишнимъ лѣтъ представляютъ собою цѣлый періодъ въ исторіи переселенія и переселенческой политики: періодъ, когда самодержавное правительство, при поддержкѣ, особенно 3-ей государственной думы въ самомъ дѣлѣ, сдѣлало все, что можно было, и даже больше чѣмъ слѣдовало, для широкаго развитія переселенія. Я уже напоминалъ о томъ, что съ начала 1906 года, при первыхъ же признакахъ реакціи, переселеніе было выдвинуто какъ одно изъ серьезныхъ средствъ борьбы съ аграрными стремленіями крестьянства и аграрными планами оппозиціонныхъ общественныхъ теченій, и возможно широкое развитіе переселенія было провозглашено „одною изъ важнѣйшихъ задачъ“ вдохновлявшагося, сначала Горемыкинымъ, а потомъ Столыпинымъ, вѣдомства землеустройства и земледѣлія. Въ немного лѣтъ, смѣта расходовъ на переселенческое дѣло съ трехъ съ небольшимъ милліоно

была доведена до тридцати миллионъ съ лишкомъ. переселенческое вѣдомство изъ небольшой канцеляріи, почти безъ мѣстныхъ агентовъ развернулось въ нѣчто вродѣ министерства колоній съ тысячнымъ персоналомъ на мѣстахъ. Правительство И. Л. Горемыкина не удовольствовалося гарантированіемъ, „дѣйствительной свободы переселенія: съ думской канцеляріи, откуда каждое слово, въ то время, гулко разносилось по всей странѣ, оно заявляло о „громадныхъ пространствахъ пригодной для заселенія земли, пустующихъ нынѣ въ азиатскихъ владѣніяхъ имперіи“; по довольно необдуманно попавшему въ печатные документы официальному свидѣтельству, оно „широко распространяло изданія, рекламирующія переселеніе“, вообще стало на путь „особой пропаганды переселенческаго движенія“ Было-бы серьезнѣйшею ошибкою сказать, что такому взгляду на возможную и желательную роль переселенія соответствовала широта практическихъ мѣропріятій тогдашняго правительства. Напротивъ, и во многихъ, и чрезвычайно важныхъ направленіяхъ,—во всемъ, что относится къ культурно-хозяйственному устройенію переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ, въ первые годы этой новой политики было сдѣлано крайне недостаточно. Но за то болѣе чѣмъ достаточно, слишкомъ много, было сдѣлано для обезпеченія возможности количественнаго роста переселенія, и въ частности—для разысканія и заготовки земель для водворенія переселенцевъ: „поиски земель для переселенцевъ“ были объявлены „первою и главною задачею“ переселенческаго вѣдомства, передъ которою „отступали всѣ остальные“. Составъ нарѣзывавшихъ переселенческіе участки межевыхъ партій былъ усиленъ въ нѣсколько разъ, и путемъ, главнымъ образомъ, пониженія требованій къ качеству ихъ работы, была значительно повышена ея количественная интенсивность. Результатъ получился весьма ощутительный: въ то время какъ за 13-лѣтній періодъ, съ 1893 по 1905 года, было отведено подъ переселеніе всего 11½ миллионъ десятинъ, съ 619 тыс. душевыхъ долей, за пятилѣтіе 1906—10 гг. было нарѣзано 1329 тыс. душевыхъ долей и почти 22 миллионъ десятинъ земли. Конечно, при такомъ огромномъ расширеніи работъ по нарѣзкѣ переселенческихъ участковъ выдвигалась задача „изысканія среди пустующихъ пространствъ Азиатской Россіи земель, пригодныхъ подъ заселеніе“: иначе говоря, нужно было выяснить,

что представляют собой необъятныя пространства сибирской тайги и урмановъ и почти столь же необъятныя пространства не затронутыхъ еще колонизаціей средне-азиатскихъ степей-пустынь. Для этой цѣли были организованы спеціальныя естественно-историческія экспедиціи, поставленныя подъ руководство видныхъ спеціалистовъ. Экспедиціи эти охватили своими изслѣдованіями огромныя пространства, измѣряемая, въ общемъ за все время, итогъ, сотнями милліоновъ десятинъ. Онѣ дали весьма цѣнные научные результаты, въ частности внесли полный переворотъ въ господствовавшія до тѣхъ поръ, съ легкой руки Докучаева, представленія о почвенныхъ условіяхъ Сибири. Казалось что и практическіе результаты ихъ работъ были весьма удовлетворительны: уже съ первыхъ шаговъ этихъ работъ, переселенческое вѣдомство официально заявляло о найденныхъ ими „обширныхъ пространствахъ удобныхъ для заселенія земель“, и еще въ началѣ 1914 года количество ихъ опредѣлялось вѣдомствомъ „примѣрно“ въ одну пятую часть всѣхъ изслѣдованныхъ пространствъ.

Не менѣе существенное значеніе имѣла и другая категория обстоятельствъ, о которой, пока, скажу лишь мимоходомъ. И въ коренной Сибири, и въ другомъ первостепенно-важномъ колонизаціонномъ районѣ—въ киргизскихъ степяхъ, интересы переселенія рѣзко сталкивались и сталкиваются съ интересами мѣстнаго населенія: въ коренной Сибири, главнымъ образомъ, русскихъ крестьянъ—старожиловъ, въ киргизскихъ степяхъ—съ интересами киргизъ. Колонизація велась и ведется, особенно въ киргизскомъ краѣ, болѣе или менѣе исключительно за счетъ земель, въ той или другой формѣ, въ той или другой мѣрѣ, эксплуатировавшихся, до того, мѣстнымъ населеніемъ,—чтобы отвести каждое данное пространство земли подъ переселеніе, нужно было изъять его изъ основаннаго на фактической оккупации и въ той или другой мѣрѣ санкціонированнаго закономъ пользованія мѣстнаго населенія. Въ дореволюціонное время къ этимъ правамъ и интересамъ мѣстнаго населенія, какъ крестьянскаго, такъ и киргизскаго, вообще инородческаго, относились очень бережно, нерѣдко даже и *слишкомъ* бережно. Съ 1906 года, когда, какъ мы видѣли, самодержавное правительство заинтересовалось переселеніемъ, отношеніе его къ правамъ и интересамъ какъ сибирскихъ старожиловъ, такъ и туземнаго населенія Сибири и Степного края рѣзко измѣнилось къ худшему,